Вырезка из газеты СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

5 22 АПР 1957

Москва Газета № . . . . . .

Великий образ

Статья, которую мы публикуем сегодня, была написана для «Советской культуры» народным артистом СССР Амвросием Максимиллиановичем Бучмой незадолго до смерти. В ней он поделился воспоминаниями о своей работе над образом Владимира Ильича Ленина.

Воссоздать образ великого вождя, мыслителя и человека — какая другая задача может быть так почетна и ответственна для советского художника, как эта? Когда в 1937 году мне предложили начать работу над ролью Ленина, я был глубоко потрясен и взволнован этим высоким общественным доверием.

С глубочайшим волнением взял я в руки пьесу А. Корнейчука «Правда» и с трепетом начал читать ее. В этой пьесе Владимир Ильич Ленин показан в момент Октябрьского переворота, когда воплощалась в действительность цель всей его жизни вождя, организатора и творца социалистической революции; в момент, когда ленинская мысль, ленинская правда дошли до сознания широчайших масс трудящихся.

Вчитываясь в скупые строки реплик и монологов роли, я вдруг ощутил, что мне, сыгравшему за свою жизнь около трехсот ролей в театре и кино, создавшему около трехсот различных человеческих характеров, чего-то не хватает в моем актерском искусстве. Вскоре я понял, что мне не хватает творческих средств, что, работая над образом Ленина, нельзя полагаться лишь на сценический опыт, что честного, взволнованного творческого отношения к делу еще недостаточно, что эта сложнейшая работа требует невиданной мобилизации всей энергии, упорядочения всего внутреннего мира актера.

Для этого нужно было прежде всего впитать в себя мысли и чувства этого великого человека, нужно было не играть образ, а жить в образе.

Именно это радостное состояние ощутил я в работе над ролью Владимира Ильича Ленина. Вся его героическая, как подвиг, жизнь, все величие этого человека встали тогда предо мной. Это «видение образа» навсегда вошло в мою душу, согрев ее особенным теплом.

И когда я в первый раз готовился к исполнению роли В. И. Ленина в «Правде» А. Корнейчука, и позже, вновь создавая этот образ в «Незабываемом 1919-м» Вс. Вишневского, я перечитывал труды Ленина, его обращения к трудящимся, изучал его письма, а также другие документы и материалы Центрального музея В. И. Ленина в Москве, филиала Музея В. И. Ленина в Киеве, в архивах. Много раз беседовал с людьми, которые работали с Владимиром Ильичем, знали его лично.

Драгоценные сведения о жизни Владимира Ильича дали мне воспоминания о Ленине Н. К. Крупской, А. М. Горького, Клары Цеткин и других. Частые посещения Мавзолея, изучение рисунков художников Альтмана, Васильева, бессмертной «Ленинианы» скульптора Андреева, многократное просматривание хроникально-документальных кинофильмов, зафиксировавших, пусть очень скупо, но все же живого Ленина, кропотливое собирание по зернышку всего, что раскрывало характер Владимира Ильича, чрезвычайно обогатили меня.

С чувством особого волнения начал я подготовлять грим, который должен был превратить мое лицо в лицо Ленина.

Поиски внешнего сходства, конечно, этим не ограничились. Начались долгие, бесконечные эксперименты вместе с гримером-художником Л. В. Гороховским, трудолюбивым и вдумчивым, по-настоящему талантливым мастером. Вместе со мной он сделал очень много вариантов, пока мы не нашли такой, в котором при минимуме краски и гримировальных наклеек было наиболее открыто живое лицо.

С трепетом я уже чувствовал на себе немного мешковатый костюм, ботинки-«бульдожки», галстук в крапинках. Я уже был близок к тому, чтобы усвоить поспешную и энергичную походку Ильича, но не этого я искал. Я искал лучистую доброту глаз Владимира Ильича, его простоту и обаяние. Я искал взгляд Ленина, заставлял свои глаза смотреть его глазами. Ведь недаром говорят, что глаза — душа человека. В работе актера это совершенная правда: выражение глаз актера раскрывает внутреннюю сущность образа.

Стремясь к наиболее полному перевоплощению в образ Ленина, я подолгу беседовал с современниками Ленина, хорошо знавшими его. Как-то встретился со старым кадровым рабочим-путиловцем, который был близко знаком с Владимиром Ильичем, часто встречался и переписывался с ним. Он мне рассказал много интересного, но иногда я чувствовал, что воспоминания моего собеседника граничат с легендой, сложившейся в народе о Ленине. Со мной были патефонные пластинки — записи речей В. И. Ленина. Я попросил его прослушать речь Ленина о Свердлове. Когда патефон воспроизвел звучание ленинского голоса, этот рабочий замахал на меня руками: «Что вы, что вы! — восклицал он,—да это же не Ленин! Нет, нет, какой же это Ленин? Это не его голос!».

В эту минуту я вдруг понял: для него, для этого простого советского рабочего, Ленин не картавил и не мог картавить. Встречаясь с Лениным, он слушал не «как» Ленин говорит, а «что» он говорит. Для него, как и для миллионов других людей, Ленин был не обыкновенным человеком, а человеком особенным, в образе которого соединились все наилучшие качества миллионов простых людей. И я решил искать пути для создания такого образа В. И. Ленина, каким он живет в народе, — обобщенного образа гениального вождя и человека.

Простота Ленина-человека, его близость к широким массам трудящихся, величие вождя, трибуна революции — эти черты Владимира Ильича были основой для моего сценического перевоплощения.

Но я непрерывно искал и находил все новые и новые качества, свойственные Ленину. Я делал все, чтобы показать неразрывную связь народа с вождем и вождя с народом.

После премьеры «Правды» прошло много лет. Сотни раз я выходил на сцену в образе Ленина и никогда не мог освободиться от громадного душевного волнения, охватывающего меня всякий раз, когда под растушевкой гримера появлялись знакомые черты вождя. Каждый спектакль был для меня премьерой. Обычно за два-три дня до спектакля я ничего не играл, в день спектакля никуда не ходил, с утра уже готовился к вечерней встрече со зрителем.

Мне очень хотелось, чтобы мои товарищи-актеры, участники спектакля, по-настоящему волновались на сцене от присутствия среди них Ленина, чтобы и мысли не было у них об актере Бучме, загримированном под Ленина. Поэтому роль я очень долго готовил самостоятельно и вошел в спектакль лишь на последних репетициях, когда уже был близок день премьеры. Это принесло свой эффект. Когда я впервые появился на сцене в образе Ленина, то почувствовал, что все окружавшие меня заволновались, и сцена пошла именно в том ритме и той атмосфере, которая должна быть. Родилась большая сценическая правда, а это уже было нашим серьезным успехом.

Потом я совершенно изменил свой метод работы над ролью. Раньше обычно внимательно читал пьесу, текст роли, старался проникнуть в авторский замысел, во все мельчайшие подробности его произведения. Более углубленной разработкой роли не занимался. Теперь же, пройдя сложный процесс вникания в образ Ленина, я стал более тщательно изучать эпоху, ее людей, события, собирать весь относящийся к пьесе материал. Приходил на репетиции богатым человеком и мог отбирать из этого богатства то, что мне нужно было.

С тех пор мои творческие мечты сосредоточились вокруг одной цели: наиболее полно раскрыть многогранные черты характера советского человека, вобравшего в себя всю силу ленинских идей, всю духовную красоту настоящего ленинца. В какой-то мере эта мечта моя сбылась, когда мне пришлось сыграть роль Макара Дубравы в одноименной пьесе А. Корнейчука, роль простого советского рабочего-шахтера, бывшего солдата пролетарской революции, ныне полновластного хозяина своей социалистической страны.

В дни, когда идет мирное строительство, когда перед всем человечеством наша Родина стоит как живой пример сбывшейся мечты В. И. Ленина, нужно, чтобы все творческие порывы, весь опыт, приобретенный годами труда и творчества, наши советские актеры отдали созданию волнующих сценических повестей о героическом настоящем и о чарующей красоте будущего. В этом наибольшее творческое счастье советского актера.

Амвросий БУЧМА,
народный артист СССР.